

УДК 94(476):94(470)«1920/1930»:325.11

В. Е. Козляков, доктор исторических наук, профессор (БГТУ)

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ ИЗ БЕЛАРУСИ В ЮЖНЫЕ РЕГИОНЫ СССР (20–30-Е ГГ. XX В.)

В статье раскрываются процессы, связанные с переселениями из Беларуси в южные регионы СССР в 20–30-е гг. XX в. Анализируются причины переезда жителей Беларуси на новые места проживания, деятельность органов власти по организации переселения в период новой экономической политики и начала коллективизации сельского хозяйства, а также проблемы адаптации прибывших к новым условиям и степень эффективности государственной переселенческой политики.

The processes associated with the migration from Belarus into the southern regions of the USSR in the 20–30-s of the XX century are developed in the article. The reasons for the moving of the Belarusians to the new places of residence, authorities activities aimed to resettlement at a time of new economic policy and the beginning of the collectivization of agriculture, and the problems of adaptation of arrivals to the new conditions and the degree of efficiency of state migration policy are analyzed in the paper.

Введение. Воины, революции, другие серьезные потрясения в России и Беларуси, происходившие в первой трети XX в., не могли не сказаться на интенсивности миграционных процессов, охвативших разные слои населения, в первую очередь крестьянство.

Переселения из Беларуси в глубь России в 20–30-е гг. XX в. проходили под воздействием нескольких факторов: малоземелье крестьянства, несмотря на реализацию уравнительного землепользования в ходе ликвидации помещичьих хозяйств; урбанизация сельских населенных пунктов, вызванная необходимостью укрепления обороноспособности страны (создание военных гарнизонов, полигонов, стрельбищ и др., что приводило к сокращению и даже ликвидации земельных наделов); дальнейшие социально-экономические изменения, обусловленные индустриализацией и коллективизацией. Эти вопросы в той или иной степени раскрыты в научной литературе [1, 2, 14]. Однако проблемы организации переселенческих процессов и степень адаптации переселенцев к новым условиям требуют дальнейшего изучения.

Основная часть. Если в период войн и революций причинами миграций стали стремления людей обрести спокойствие и обезопасить себя от опасности социальных потрясений, то наступивший период НЭПа дал возможность найти приемлемые условия для жизни и хозяйственной деятельности. Начало процесса переселения в массовом масштабе принято считать октябрь 1924 г., хотя миграции наблюдались и ранее. Но именно начиная с 1924 г. и на протяжении трех последующих годов, о желании переселиться из белорусского региона заявили 42 тыс. семей [1, с. 245].

Объектами для переселения становились разные регионы СССР. Но поначалу внимание переселенцев было обращено на районы,

расположенные ближе всего к индустриальным центрам страны, например к Среднему Поволжью. Например, из Витебской губернии в Саратовскую и Самарскую губернии с 19 января по 25 апреля 1924 г. отдельными эшелонами выехало 3854 человека. [2, с. 46].

Разумеется, советское государство было вынуждено вмешаться в переселенческие процессы и постараться осуществить регулирование миграции, направляя потенциальных переселенцев прежде всего в малонаселенные регионы Сибири и Дальнего Востока. В этих целях постановлением Совета Труда и Оборона СССР от 17 октября 1924 г. был создан Центральный колонизационный комитет (Цеколком), который постановлением ЦИК и СНК СССР от 10 апреля 1925 г. преобразован во Всесоюзный переселенческий комитет при ЦИК СССР. На этот орган возлагалось общее руководство переселенческой политикой Союза ССР.

Среди конкретных задач, стоявших перед Всесоюзным переселенческим комитетом, – определение квот и обеспечение финансирования для переселенцев из союзных республик в российские регионы. Одна из причин увеличения количества желающих выехать из БССР – малоземелье. При наделении земель по потребительско-трудовой норме, согласно переписи 1926 г., могло быть обеспечено лишь около 80% всех хозяйств, а остальные 20% – могли остаться вообще без земли [3, л. 12]. Вот почему руководство БССР постоянно просило увеличить квоты для переселенцев из БССР. Не всегда Москва шла навстречу Минску по вполне объективным обстоятельствам. Так, например, с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1928 г. из Беларуси поступило заявлений на переселение от 61 538 семейств (или от 382 012 душ), в то время как переселенческие фонды для Беларуси на этот период были рассчитаны на 74 202 души,

что составило только около 20% от количества поданных заявок [4, л. 29].

Но бывали случаи, когда власти не очень считались с настроениями и желаниями местного населения. Еще 28 сентября 1923 г. было принято постановление СНК СССР «О порядке отвода земель под лагерь, стрельбища, полигоны». На его основе Реввоенсовет СССР просил белорусское руководство выделить на севере республики земельные площади для артиллерийского полигона. В декабре 1923 г. начались разговоры о том, что для военных целей подошла бы территория около деревни Дретунь Витебской губернии.

Реввоенсовет СССР просил местное руководство провести выселение деревень весной 1925 г. Переселение в границах Витебской губернии было невозможным. Поэтому предполагалось переселить крестьян в другие районы СССР.

Разумеется, подобные решения вызвали протесты местных жителей. С 4 по 15 марта 1925 г. состоялась собрания во всех деревнях и хуторах, подлежащих выселению. Из 326 дворов согласилась переселиться на Северный Кавказ только 61 семья, остальные отказались по «климатическим условиям» и незначительной денежной компенсации. Однако сопротивление несогласных крестьян было все же, на первый взгляд, сломлено, но с помощью милиции. Бунтовщики были отправлены в Донскую область, однако вскоре вернулись в родные места. Тем не менее Дретунская история показала, что власть уже тогда не очень считалась с мнением и интересами конкретных людей. А если человек лишался земли и собственного крова, то ответственность за подобные деяния представители власти не несли [5, с. 246–255].

Несколько другая ситуация складывалась с еврейским населением, которые власти в массе своей старались привлечь к сельскохозяйственному труду и индустриальной деятельности. До революции в Беларуси еврейскими земледельцами обрабатывалось 10 263 десятины земли. После революции уже к 1924 г. обрабатываемая евреями земельная площадь увеличилась еще на 7780 десятин (т. е. на 76%) [6, л. 144]. Однако и в Беларуси, и в Украине ощущалась нехватка в пахотной земле. И тогда появился проект известного советского деятеля Ю. Ларина (Лурье) о создании Еврейской автономии в Крыму и переселении туда 280 тыс. евреев с предоставлением им земельных площадей. [7, с. 4].

Но в ноябре 1923 г. появился еще один проект, автором которого являлся один из руководителей Евсекции РКП (б) А. Брагин. По новому проекту предлагалось образовать автономную область евреев на территории Северного

Кавказа, южной степной полосы Украины и Черноморского побережья, вплоть до границ Абхазии. Центром этой области предполагалось сделать г. Одессу. Отмечалось, что громадные ресурсы (десятки миллионов долларов), необходимые для реализации этого плана, могут быть получены через еврейские американские и другие международные организации («Джойнт», ЕКО, Реконструктивный комитет в Лондоне и др.) [8, л. 21]. По сообщению Еврейского телеграфного агентства от 20 февраля 1923 г. этот проект одобрили советские руководители: члены Политбюро ЦК РКП (б) Л. Троцкий, Л. Каменев, кандидат в члены Политбюро Н. Бухарин и председатель Госплана СССР А. Цурюпа [9, л. 27].

Однако против этого проекта выступил ставший в июне 1923 г. Наркомом земледелия СССР А. Смирнов. По его мнению, еврейская колонизация наиболее выгодных для земледелия площадей вызовет обострение вражды со стороны местного населения, прежде всего украинского, которое само нуждается в земле. Еще одно возражение А. Смирнова заключалось в том, что «с социально-экономической стороны земледельческие навыки у массы еврейского населения России отсутствуют» [10, л. 27].

Вероятно, доводы А. Смирнова оказались тогда убедительными, и вопрос о создании Еврейской автономной области в Крыму был временно отложен. Однако все же тема еврейской колонизации в Крым получила дальнейшее продолжение. Для решения подготовленных в проектах Ю. Ларина и А. Брагина ряда вопросов, связанных с переселением евреев из местечек Украины и Беларуси, Президиум ЦИК СССР на своем заседании 29 августа 1924 г. постановил образовать Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся (КомЗЕТ) и Общественный комитет по земельному устройству еврейских трудящихся (ОЗЕТ) [11, с. 6]. Основной базой переселения евреев КомЗЕТом была определена Крымская АССР.

По неполным сведениям, в Крым из Беларуси с 1926 по 1928 гг. (включительно) переселилось 1914 семей. Гораздо меньший поток еврейских переселенцев шел в дальневосточный Биробиджан, где была провозглашена Еврейская автономная область. В этот регион в 1928 г. из Беларуси переселилось лишь 240 еврейских семей [12, л. 12]. При этом половина прибывших из них, в виду «неудовлетворительной постановки переселения со стороны КомЗЕТа», вынуждена вернуться обратно.

Не так просто складывалась ситуация с переселенцами и в Крыму. Как и предполагал А. Смирнов, переселение евреев в Крым вызвало бурю недовольства местного населения, в первую

очередь татарского. Тем не менее 5 сентября 1930 г. решением Крымского ЦИКа г. Фрайдорф становится центром еврейского национального района. В 1931 г. ОК ВКП (б) и Крымское правительство в своих постановлениях констатировали, что «еврейское переселение в Крым себя политически и хозяйственно оправдало» [13, с. 6]. Однако такой вывод не соответствовал действительности. Многие евреи, оказавшиеся в Крыму, вскоре были вынуждены вернуться на прежнее местожительство.

Переход к политике коллективизации, осуществленной на основе так называемого «раскулачивания» более-менее зажиточного и среднего крестьянства, обусловил и серьезные изменения в переселенческих процессах. Теперь определенная часть «кулаков» подпадала под принудительные переселения в отдаленные регионы Сибири и Дальнего Востока.

Однако параллельно в этот период начался массовый выезд одиночников из БССР, продолжавшийся до начала 1935 г. В 1934 г. отмечался и самовольный выезд белорусских колхозников в Украину, Сибирь и на Северный Кавказ [14, с. 61].

Например, в письме секретаря Чериковского РК КПБ (б) на имя секретаря ЦК КПБ (б) Н. Гикало (от 12.06.1934 г.) отмечалось, что подобная тенденция особенно усилилась после переселения из Чериковского района в Одессу около 100 семей и больше десятка на Северный Кавказ. При этом уехавшие, отмечал автор письма, «забрасывали письмами оставшихся родных» о том, что на новом месте «чрезвычайно хорошо устроились». Несмотря на введенные запреты, некоторые хозяева уезжали «без ведома сельсовета и района» [15, л. 53–54].

О значительном увеличении количества ходатайств колхозников и одиночников перед ЦИК БССР о разрешении на переселение из республики в другие регионы СССР отмечал в марте 1934 г. А. Червяков в письме на имя Н. Гикало. При этом председатель ЦИК БССР ссылался на письма переселенцев о «хорошем обеспечении в колхозах Украины» [16, л. 93–94]. Это выглядит довольно странным на фоне уже начавшегося так называемого «голодомора» в этой южной республике.

Надо сказать, что особого восторга от переселившихся местные власти не испытывали, о чем свидетельствовало письмо уполномоченного Переселенческого комитета по Азовско-Черноморскому краю белорусскому руководству по поводу «массы ходоков от колхозов» из Беларуси. В письме содержалась просьба запретить местным белорусским организациям, колхозам выдавать справки на переселение, а также разъяснить, что «Азовско-Черноморский

край непланоных переселенцев не принимает». В свою очередь А. Червяков предлагал ЦК КПБ (б) обратиться с телеграфным предложением к крайвым партийным и советским организациям Украины и Северного Кавказа, чтобы они категорически запретили своим районным, сельским организациям и отдельным колхозам выдавать справки о принятии в колхоз людей сверх установленных и согласованных с белорусским руководством планов [17, л. 94–96].

Судя по всему, особой ясности по вопросам переселений не было и среди союзного руководства. Так, по поручению Сталина от 2 июля 1934 г. членам ЦК ВКП (б) была разослана записка секретаря ЦК партии П. Постышева по вопросам колхозного строительства. Автор коснулся и проблемы переселений: «Переселения надо последовательно осуществлять, а главное – обратить особое внимание на закрепление переселенцев, на их вращение в новую обстановку [18, л. 10].

Особое значение в этом процессе придавалось красноармейским переселениям. Красноармейцы-переселенцы призваны были стать опорой в проводимой политике коллективизации. Но для этого сначала была поставлена задача обучить красноармейцев еще до переселения навыкам колхозного производства. В июне 1929 г. Реввоенсовет, Колхозцентр и Всесоюзный переселенческий комитет издали совместную директиву «Об использовании красноармейцев и младших командиров в колхозном строительстве», в которой предлагалось во всех воинских частях организовать курсы по изучению основ сельскохозяйственного производства [19, с. 200].

Советская власть рассматривала красноармейские переселения в качестве важнейшего средства так называемого «расказачивания», осуществляемого в станицах Северного Кавказа в ходе сплошной коллективизации. Так, в период с 14 октября по 15 декабря 1933 г. в 111 эшелонах на Северный Кавказ прибыли 8007 красноармейских семей в составе 34 209 человек и 6072 одиноких красноармейцев – всего 40 281 человек. При этом из Белорусского военного округа – 4714 семей в составе 13 517 человек [20, с. 209].

Местное население по-разному встретило приезжих. Большинство – настороженно, а кое-кто даже враждебно. Однако по свидетельству других очевидцев, например, приезд переселенцев спас уничтожение станицы Уманской от голода. «Станица немного ожила, – писал И. А. Полежаев, житель Уманской. – Правда, здесь главную роль играют теперь переселенцы – белорусы, народ крепкий, надежный, трудолюбивый и симпатичный. Для станицы их приезд

равносилен вливанию крови в организм умирающего человека, что его и спасает в конечном счете» [21, с. 204].

Судя по всему, процессы адаптации выходцев из Беларуси к новым условиям проходили не просто. Были трудности не только в общении с местным населением, но и проблемах освоения особенностей сельскохозяйственного производства в условиях Северного Кавказа. Многие не выдерживали и возвращались обратно, хотя это сделать было крайне сложно. В результате возвращения переселенцев, а также процессов смены самоназвания в среде преобладающего русского населения численность белорусов в Кубанском крае еще в довоенный период сократилась почти вдвое. Например, если белорусов по переписи 1926 г. на Кубани насчитывалось 23 336 чел. (0,74% всего населения), то перепись 1939 г. дает цифру 11 523 белорусов (0,39% всего населения) [22, с. 118].

Заключение. Таким образом, переселения из Беларуси крестьян и представителей других слоев населения в российские регионы, в т. ч. южные, в 20–30-е гг. XX в. проходили в сложных условиях и во многом носили противоречивый характер. Государственное регулирование этого процесса не всегда учитывало интересы граждан, тем более конкретной личности. Однако даже в этих условиях русские и белорусы находили взаимопонимание, основой которого являлось уважение друг к другу, трудолюбие и взаимопомощь. Совместными усилиями многих народов был создан солидный экономический потенциал, который помог им выстоять в годы Великой Отечественной войны и обеспечить дальнейшее развитие страны.

Литература

1. Бяспалая М. А. Эканамічнае і сацыякультурнае развіццё беларускай вёскі ў гады НЭПа (1921–1927 гг.). Мінск: Бел дзярж. ун-т культуры і мастацтва, 2009. 325 с.
2. Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск: из-во Томского ун-та, 1976. 284 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (в дальнейшем – НА РБ). Ф. 48. Оп. 1. Д. 3889. Ч. 1.
4. НА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 581.
5. Бяспалая М. А. Эканамічнае і сацыякультурнае развіццё беларускай вёскі ў гады НЭПа (1921–1927 гг.). Мінск: Бел дзярж. ун-т культуры і мастацтва, 2009. 325 с.
6. НА РБ. Ф. 4п. Оп. 7. Д. 14.
7. Ефимов А. Еврейская Советская Социалистическая Республика в Крыму. К истории одного проекта // www.moskaw-crimea.ru. Режим доступа: 09.04.2009.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (в дальнейшем РГАСПИ). Ф. 445. Оп. 1. Д. 19.
9. Там же.
10. Там же.
11. Ефимов А. Еврейская Советская Социалистическая Республика в Крыму. К истории одного проекта // www.moskaw-crimea.ru. Режим доступа: 09.04.2009.
12. НА РБ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 91.
13. Ефимов А. Еврейская Советская Социалистическая Республика в Крыму. К истории одного проекта // www.moskaw-crimea.ru. Режим доступа: 09.04.2009.
14. Врублевский А. П., Протьюко Т. С. Из истории репрессий против белорусского крестьянства. 1929–1934 гг. / под ред. М. П. Костюка. Минск: Навука і тэхніка, 1992. 144 с.
15. НА РБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 6203.
16. НА РБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7632.
17. Там же.
18. НА РБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7524.
19. Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск: из-во Томского ун-та, 1976. 284 с.
20. Там же.
21. Бондарь Н. И., Матвеев О. В., Ракачев В. Н. Материалы к историко-этнографическому справочнику «Народы Кубани»: Белорусы // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4. Краснодар: изд. «Кубанькино», 2008. С. 201–207.
22. Ракачев В. Н., Ракачев Я. В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование: в 4 т. / отв. ред. В. Н. Ратушник. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2007. Т. 2: 1930–1950-е гг. 267 с.

Поступила 14.03.2014